А.Б. Михалёв

Теория фоносемантического поля: итоги и перспективы

Владеть каким-либо языком – это не значит только усвоить его фонетические особенности, некоторый лексический фонд, синтаксические закономерности и прочие разделы, охватываемые нормативными учебными программами. Язык – это не просто код речевого общения. Являясь одновременно и продуктом мыслительной деятельности определенного этноса, и процессом, созидающим и развивающим эту деятельность, язык, прежде всего, представляет собой код миропонимания, специфичного для данного этноса. Тезис о взаимосвязи духа народа и его языка был центральной темой лингвистической философии В. фон Гумбольдта: «духовное своеобразие и строение языка народа пребывают в столь тесном слиянии друг с другом, что коль скоро существует одно, то из этого обязательно должно вытекать другое» [1: 68]. Совершенно закономерно отсюда его пристальное внимание к форме языка как отражению тех общих и отличительных черт, которые и определяют духовное единство того или иного этноса. Первой и основной точкой опоры в изучении формы языка, по мнению ученого, является звук в его оформленном, т.е. членораздельном состоянии. Подобный же пафос характерен и для нашего исследования феномена фоносемантического поля.

Признание фонемы содержательной единицей языка влечет за собой целый ряд важных последствий. Одно из них – возможность системного изучения картины мира, закодированной в звуковых средствах того или иного языка. До сих пор подобная работа проводилась на базе фактов вторичной номинации. С введением в лингвистику новой категории «фоносемантическое поле» открывается перспектива таких исследований на основе номинации первичной, тем более что последние позволяют глубже проникнуть в закономерности образования понятий и вскрыть существенные связи между ними. Кроме того, в ракурсе фоносемантического поля и, шире, фоносемантического пространства удается проследить всю динамику развития словотворчества – от истоков до современного состояния языка. Механизм развертывания фоносемантического пространства универсален для всех языков, и, как показали исследования, ядерные зоны одноименных пространств в различных языках так же обнаруживают много общего. Бóльшие или меньшие отличия начинаются при выходе на периферию, что и обеспечивает своеобразие картины мира данного языка, а значит и концептуальную модель категоризации действительности данной культурно-языковой общностью (см., напр.: [2: 237-242]).

В этой связи банальная истина о пользе изучения иностранного языка получает новое подкрепление, поскольку помимо чисто практической ценности (накопление знаний, обмен информацией и т.п.), относящейся лишь к внешней стороне языка, существует и более глубинная цель – формирование интеллекта. Овладевая новым языком, индивидуум вбирает в себя новое осмысление действительности, накладывая на уже заданную родным языком картину мира новую модель миропонимания. Это наложение, в свою очередь, способствует более широкому охвату смысла предметов, явлений, процессов и связей между ними, т.е. продвижению познания к их сущности.

Возможно, именно с этой стороны Теория фоносемантического поля (далее ФСП) способна заинтересовать методистов иностранного языка, т.к. она позволяет показать язык изнутри, а сконструированные фоносемантические поля и пространства изучаемого языка при сопоставлении с родным послужат солидным базисом для адекватного классифицирования (а значит и усвоения) различных языковых единиц. Разумеется, наше предположение нуждается в специальной экспериментальной проверке, но уже при первом приближении можно заметить, что фонемотип и морфемотип как центральные фоносемантические единицы имеют шанс стать одной из мнемонических опор при обучении иностранному языку.

Трудно переоценить значение Теории ФСП для этимологических исследований. Результаты, достигнутые в этой области, очевидно согласуются с общей идеей об исконной звукоизобразительности языка, инвариантном статусе морфемотипа (составленного фонемотипами) в системном характере семантических «перетеканий», образующих фоносемантическое поле и, далее, пространство. Однако трудности, с которыми зачастую сталкиваются этимологи при толковании происхождения отдельных слов, объясняются скорее давлением традиционных стереотипов анализа, оперирующего разрозненными языковыми фактами и способного эффективно работать лишь «на малой глубине» (предполагается, что сравнительно-исторический метод ограничен глубиной в 8-10 тысяч лет, тогда как возраст homo sapience, по разным оценкам, составляет от 100 до 200 тысяч лет [10]). Со своей стороны, Теория предлагает отработанный алгоритм установления фонетического и семантического родства слов, рассматриваемых исключительно по принадлежности к тому или иному гнезду (полю) и так или иначе восходящих к звукоизобразительным протокорням. Изучив закономерности семантических переходов и вариативные возможности морфемотипов, этимолог получает ключ к разгадке многих проблем, не разрешимых

прежними методами. В союзе с антропологическими и генетическими свидетельствами Теория ФСП может предоставить дополнительные аргументы в пользу ностратической гипотезы родства языковых семей.

Принято считать, что «количество семантических категорий в любом языке не только огромно, оно, к тому же, может и расширяться (о чем свидетельствует постоянное обогащение новыми терминами); что делает, на первый взгляд, нереалистичной задачу свести все возможные лексические значения к доступному конечному набору универсальных примитивов» [11: 33]. Попытку «инвентаризации» семантических универсалий и «молекул» представляют исследования обширного числа языков А. Вежбицкой, К. Годдара и их последователей (см.: [7, 8; 12, 13]. Под «семантическими примитивами» (semantic primes) они понимают гипотетические лексико-семантические универсалии, относящиеся к различным категориям (напр., для категории «Действия, события, движение, контакт» – примитивы делать, случаться, двигать, касаться), а под «семантическими молекулами» – сложные семантические единицы, разложимые на семантические примитивы, но служащие строительным материалом для более сложных значений [7]. Таким образом, концепция семантических примитивов и молекул у этих ученых перекликается с теорией «элементарных идей» Г.В. Лейбница и Р. Декарта. Отличие же состоит в целевой установке: основываясь на элементарных идеях и их комбинациях, последние надеялись создать искусственный (предпочтительно философский) язык, в то время как А. Вежбицка и К. Годдар пытаются найти универсальные ключи к описанию семантики любого языка – Естественный Семантический Метаязык (NSM), исходя из конкретных мультилингвистических и мультикультурных баз данных.

Согласно основным положениям Теории ФСП, *с глоттогенетической точки зрения*, лексико-семантическая организация языка представляет собой систему фоносемантических пространств, каждое из которых образовано по полевому принципу: от ядерной звукоизобразительной зоны к расходящейся от нее периферии. Профиль ядерной зоны зависит преимущественно от изобразительного потенциала начального консонантного фонемотипа (фонотипа). Обобщенно, ядерные значения (их можно назвать и *генетическими семантическими примитивами*) распределяются по трем областям, зачастую пересекающимся друг с другом: буккальной, мануальной и звукоподражательной. Однако, как показали результаты исследований, наиболее рекуррентными и репрезентативными среди всего многообразия значений, относящихся к этим областям, оказываются значения (гиперсемы) БИТЬ, РЕЗАТЬ, СЖИМАТЬ, ТЯНУТЬ, ДУТЬ и ШУМ/ЗВУК. Наибольшее количество панто-

похронических семантических связей продемонстрировала гиперсема СЖИМАТЬ (199 значений), далее в порядке количественного убывания РЕЗАТЬ (138), БИТЬ (120), ТЯНУТЬ (106), ДУТЬ (79) и ШУМ/ЗВУК (28). Определяя семантические связи как *пантопохронические*, мы имеем в виду проявившиеся корреляции значений как в различных языках (русском, английском, немецком, французском, китайском, арабском, чеченском и т.д.), так и в различных исторических периодах языков (праиндоевропейский, древнеиндийский, латинский, древнегреческий, готский, древнеанглийский, старофранцузский, древнецерковнославянский и т.д.). Иными словами, пантопохрония – это: а) объединение синхронии и диахронии (*панхрония*) и б) мультилингвизм (*пантопос*). Представляется, что полученные данные смогут приоткрыть новый ракурс для концепции Естественного Семантического Метаязыка и оказаться полезными как для новых этимологических исследований, так и для когнитивных обобщений.

Современная психология и психолингвистика обладают значительными сведениями о развитии речи у ребенка. Известны стадии усвоения языковых единиц, синтаксических и морфологических моделей. Остаются, однако, и не решенные еще проблемы, среди которых выделяются наиболее фундаментальные: а) объяснение механизма, позволяющего ребенку овладеть языком в короткий срок; б) раскрытие связи овладения речью с развитием других когнитивных функций: мышления, памяти и др. [3: 217-234]. Известно, например, что наиболее легко осваиваются слова, с одной стороны, напоминающие по способу произнесения лепет, а с другой – мотивированные, соотносимые со звуками, которые издают обозначаемые предметы (т.е. звукоподражания). В этой связи было бы целесообразно уточнить: а) в какой очередности и с какой быстротой усваиваются фоно-семантические единства звукосимволического характера; б) какова их корреляция с буккальной и мануальной сферами.

Понятие «образная схема», введенное в когнитивной лингвистике М. Джонсоном [9], отчасти аналогично понятию «миметическая схема», спроецированному на артикуляционно-символическую область. Под миметической схемой понимается комплекс артикуляционных признаков, сопровождающих произнесение звука. Например, для [т] или [д] такими признаками являются: движение языка *вперед*, *столкновение* его с *зубами* (альвеолами), *усилие сжатия* с *преградой*, *отталкивание* от преграды (движение назад). Заметно, что образная схема русских предлогов *от* и *до*, подпадающая под название ИСТОЧНИК – ПУТЬ – ЦЕЛЬ, повторяет элементы миметической схемы [т] и [д], содержащихся в этих предлогах. В свою очередь, значение «вместилище», судя по результа-

там фоносемантических исследований, оказывается производным по отношению к гиперсемам СЖИМАТЬ и ОКРУГЛОЕ, которые проистекают из миметических схем различных звуков. В перспективе предстоит выяснить, с какими еще образными схемами коррелируют миметические схемы звуков речи как первичные или как производные.

Продолжение исследований в области поливалентности значений и семантических гнезд может послужить материальной базой для построения компьютерной модели, приближенной к ассоциативной нейросети человеческого мозга. Разумеется, подобная модель будет представлять собой только один из взаимосвязанных блоков искусственного интеллекта, нуждающегося также в грамматических и сенсорных модулях (визуальном, аудиальном) с алгоритмами их кодирования и декодирования. Похожим образом, по-видимому, представлял языковой аппарат Н. Хомский в своей «Минималистской программе»: лексикон, содержащий всю лексическую информацию языка, и вычислительная система, распределяющая команды-импульсы между системами реализации – артикуляторно-перцептивной и концептуально-интенциональной [6].

При анализе художественного текста и особенно поэтического произведения обращение к звуковой ткани помогает глубже погрузиться не только в эмоциональную тональность, но и в самые потаенные уголки смысла прозаического или стихотворного целого. Имя в языке присутствует в связанном состоянии со всеми другими участками своей фоносемантической системы, поэтому, становясь словом конкретного поэтического текста соотнесенно с другими словами, образующими «звуковую оркестровку» произведения, оно способно заставить «резонировать» неуловимые на поверхности смысловые пласты. Мастерски сотканная звуковая ткань текста открывает для исследователя широкие возможности для интерпретаций, иногда совершенно неожиданных, но безусловно относящихся к подсознательному уровню творца и читателя. Излишне говорить о необходимости комплексного и системного анализа всех составляющих художественного произведения – звука, ритма, синтаксиса, лексики, грамматики и т.д., в большей или меньшей степени участвующих в становлении его смысла (см. статьи Р. Якобсона по поэтике [4]), однако подчеркнем, что именно звуковая структура поэтического или, прозаического целого задает ту семиотическую первооснову, которая затем филируется другими языковыми средствами.

Разработанная концепция ФСП, разумеется, не исчерпывает всех проблем фоносемантики. Напротив, она ставит перед лингвистами и психологами новые вопросы, которые еще ждут своего разрешения. Так, например, до сих пор остается не выясненным семантический ста-

тус гласных фонем: в ракурсе нашего исследования им принадлежит вспомогательная роль конструктивных единиц, способных нести некоторые виды значений: «малый», «большой», «круглый», «глубокий» и др. Однако их свободная вариативность в пределах консонантного морфемотипа не дает пока оснований говорить об определенной приоритетной функции вокализма, что противоречит принципу целесообразности в языке.

Предстоит еще изучить закономерности образования и развития минимальных грамматических и словообразовательных единиц (предлогов, аффиксов, частиц) в их соотнесенности с первичными иконическими свойствами. Дальнейшие исследования в этом направлении могут внести вклад в проблематику грамматикализации [5] и, шире, в диахроническую типологию.

Концепция ФСП непременно должна быть проверена и на материале других языковых семей, помимо индоевропейской, тюркской и семитохамитской. Многие «экзотические» семьи вроде палеоазиатской, австронезийской, американдейской и т.п. остаются пока «в листе ожидания».

Расширение списка привлеченных для фоносемантического анализа языков может пролить свет и на типологические закономерности. В частности, коррелирует ли количественный состав фонетического (фонологического) инвентаря с объемом вокабуляра, с доминирующими способами словообразования, с морфологическим или синтаксическим типом языка?

Все эти и многие другие практические и теоретические перспективы, инспирируемые предпринятым нами исследованием, способны открыть новый этап в эволюции как языкознания, так и смежных с ним наук, фокусирующих свое внимание на важнейшем объекте познания – человеке.

Библиографический список

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
2. Кравченко А.В. Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. 319 с.
3. Пищальникова В.А., Сонин А.Г. Общее языкознание. Учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Р.Валент, 2017. 479 с.
4. Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 461 с.
5. Bybee J.L., Perkins R.D., Pagliuca W. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 420 p.
6. Chomsky N. The Minimalist Program. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1995. 420 p.

7. Goddard C. Semantic molecules and semantic complexity (with special reference to “environmental” molecules) // Review of Cognitive Linguistics 8(1). 2010. P. 123-155.
8. Goddard C. Semantic primes, semantic molecules, semantic templates: Key concepts in the NSM approach to lexical typology // Linguistics 50(3). 2012. P. 711-743.
9. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 284 p.
10. Nichols J. Linguistic Diversity and the First Settelment of the New World // Language 66, 1990. P. 475-521.
11. Taylor J.R. Linguistic Categorization. Oxford: Clarendon Press, 1995. 312 p.
12. Wierzbicka A. Semantics: Primes and Universals. New York: Oxford University Press, 1996. 512 p.
13. Wierzbicka A. Semanti c primes and universal grammar in Polish // Cliff Goddard and Anna Wierzbicka (eds.), Meaning and Universal Grammar – Theory and Empirical Findings. Vol. II. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 65-144.